





Н. Д. Дмитриев-Оренбургский.
Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 года.
1885 г.



РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Иллюстрированное издание



МОСКВА

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)-8
Р89

Оформление переплета *И. Осипова*

Составление, подбор иллюстраций *В. Людвинской*

Русские полководцы. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с. : ил. —
Р89 (Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-699-44706-0

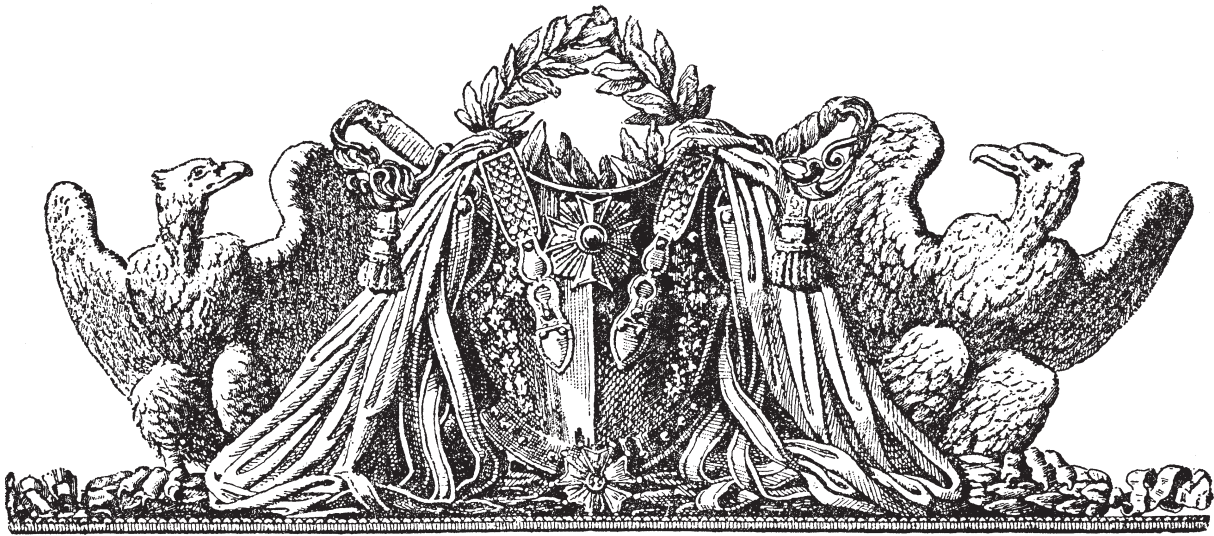
Российское государство создавалось в постоянной борьбе с внешними врагами, которые приходили с востока и запада, севера и юга. Отечественным правителям приходилось быть не только деятельными администраторами, ловкими дипломатами, но и военачальниками, лично возглавлявшими многочисленные военные походы и сражения. Со временем полководческое искусство превратилось в особый род почетной деятельности, ибо отличиться на военном поприще стремились представители многих знатных фамилий.

Мы представляем современному читателю увлекательную военную историю России в лицах тех, кто ее вершил. В биографиях даже самых знаменитых полководцев читатель откроет многие, дотоле неизвестные факты жизни и военных свершений, а исторически достоверный иллюстративный материал позволит зримо представить обстоятельства, в которых действовали герои Российской империи.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-699-44706-0

© Современная версия. Оформление, иллюстрации, макет.
Издательство «Артнет Медиа», 2010
© Издательство «ДИЛ», 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025



ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА



дин из самых значительных русских военных историков Антон Антонович Керсновский (1907—1944) во введении к фундаментальной «Истории русской армии», написанной в эмиграции, счел необходимым сразу же отметить: «В своем исполинском тысячелетнем деле создатели России опирались на три великих устоя — духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии». Иными словами: без боеспособной армии не было бы и Российского государства. Нисколько не умаляя мужество, доблесть, выучку солдат и офицеров, все же, по справедливости, следует признать, что исход тех или

иных военных кампаний, равно как и отдельных больших сражений, кардинально менявших ход войны, во многом зависел от искусства командующих крупными соединениями; от людей, стоявших во главе армий.

Враг обрушивался на Россию с востока (монголо-татары), с юга (турки), с севера (шведы), с запада (немцы, поляки, французы). Порой приходилось вести одновременно военные действия на разных направлениях. И если русские войска с честью выходили из этих испытаний, то первыми по чести в народной памяти сохранялись имена полководцев.

На заре русской государственности полководческие функции доводилось выполнять непосредственно первым правящим лицам, совмещая их с административными. Именно поэтому нашу книгу открывают жизнеописания князей — Святослава Игоревича, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского. Со временем полководческое искусство превращалось в особый род деятельности. Деятельности почетной, ибо отличиться на военном поприще стремились представители многих знатных фамилий.

Эта книга представляет современному читателю военную историю России в лицах тех, кто ее вершил. Некоторые имена, несомненно, общеизвестны. Но, скорее всего, в биографиях даже Суворова и Кутузова, Нахимова и Багратиона

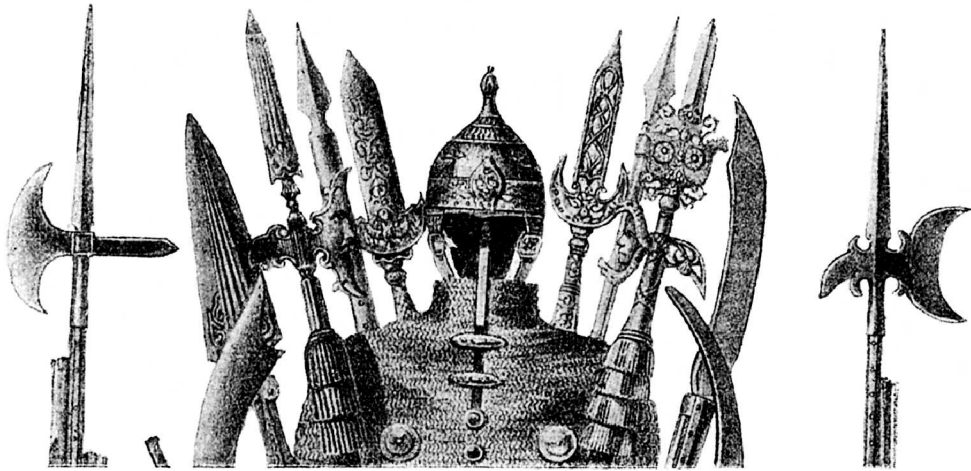
большинство читателей откроет для себя доселе неизвестные им факты. Не говоря уже о биографиях полководцев, чья деятельность сознательно освещалась в советский период в усеченном виде, а то и вовсе замалчивалась. Советская власть все-таки не очень-то жаловала (за редким исключением) царских генералов и фельдмаршалов, считая, что патриотическое воспитание безопаснее для строя осуществлять на примере «красных командиров».

По счастью, жанр историко-биографического очерка стал популярным в России задолго до Октябрьской революции. Его достойные образцы оставил нам, в частности, Д. Н. Бантыш-Каменский (1788—1850), успешно сочетавший государственную службу с серьезными историческими изысканиями. В 1840—1841 гг. он выпустил в свет «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов». Неоценимым пособием для всех интересующихся отечественной

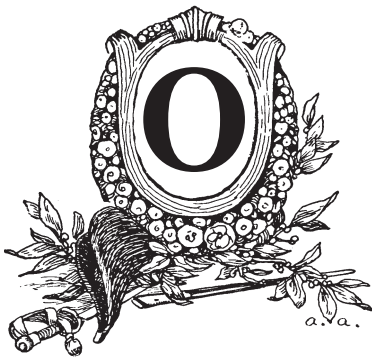
историей стал «Русский биографический словарь», издание которого началось в 1891 г. под наблюдением и за счет личных средств видного государственного деятеля и мецената А. А. Половцова (1832—1909). Всего до 1918 г. вышло 25 объемных томов. Биографиям военачальников уделено в них значительное место. В отличие от сочинения Бантыша-Каменского этот словарь в новейшее время до сих пор не переиздан. Помимо очерков из названных книг в наше издание включены также некоторые сочинения выдающегося историка, мастера исторического портрета Н. И. Костомарова (1817—1885).

Среди русских полководцев были люди разных национальностей, выходцы из разных социальных слоев. Но все они посвятили жизнь служению России, осознавая ответственность за судьбу государства и судьбу народа. Назидательные комментарии тут излишни. Биографии говорят за себя сами.





СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ



О ставшись трехлетним ребенком по смерти отца, убитого в 945 г. древлянами, Святослав возрос в среде дружинников своего отца. Уже в 946 г. он находится во главе дружины, выступившей против древлян с мстью за смерть Игоря; маленького четырехлетнего князя сажают на коня и дают ему в руки копьё, которое он и бросает во врагов; копьё, брошенное слабою детскою рукою, падает у ног княжеского коня; дружина, видя у себя во главе начальника-младенца, начавшего бой, храбро бросается на врагов и быстро их одолевает.

Детство и отрочество князя протекают среди воинов, где у всех один интерес — война, где одно достоинство лишь ценится в человеке — беззаветная храбрость и отвага. Развитием этих достоинств определяется программа княжеского воспитания, и на всей дальнейшей жизни храброго князя неизгладимым следом отразилось воспитание, основанное на началах дружинной чести: единственной заботой князя стала война, единственным мерилom его поступков — мнение дружины, единственным идеалом — слава беззаветно храброго воина, никогда не изменяющего традициям дружины. Это, между прочим, объясняет упорный отказ Святослава принять христианство, которое не согласовалось с основными устоями тогдашнего дружинного быта. Выйдя из отроческих лет, князь прежде всего стремится сплотить вокруг себя товарищей-дружинников и, собрав дружину, начинает непрерывную цепь своих походов. Летопись дает такую характеристику его деятельности: «И легко ходя, аки пардус, войны многы творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но по тонку изрезав конину, или зверину, или говядину, на углех испек, ядыше. Ни шатра имяше, но подклад постилаше и седло в головах. Також и прочии вои его бяху вси».

В 914 г. на Волге, в стране хазар, буртасов и болгар, погибла рать вел. кн. Игоря. По понятиям дружинной чести в. князь Святослав, как преемник Игоря, обязан был смыть позор, лежавший на его памяти, а как сын, обязан был мстить врагам своего отца. Были и еще причины, побуждавшие вел. князя к походу на Волгу: русские

купцы, преимущественно новгородцы, терпели постоянные обиды и притеснение со стороны буртасов, волжских болгар и хазар; для русской торговли крайне важно было, чтобы большой водный путь, соединявший юго-восток и северо-запад Восточно-Европейской равнины, т. е. все течение реки Волги, перешел в русские руки. Побуждаемый этими причинами, в 964 г. Святослав с своей дружиной выступил в поход. Поднявшись по р. Десне (на ней жили покорные уже Киеву северяне), он перешел на верховья Оки в область, населенную вятичами. Не желая во время своего далекого похода на Волгу иметь у себя в тылу врагов, Святослав вятичей не тронул, хотя они и платили дань хазарам, будучи враждебны Киеву. Перейдя на Волгу, он в продолжение 4—5 лет победоносно воевал с волжскими болгарам, буртасами и хазарами, разрушил главный хазарский город, Саркел на Дону, проник до Киммерийского Боспора, победив ясов и кософов и, очистив все течение реки Волги, возвратился прежним путем к Киеву.

В целях окончательного закрепления за русской торговлей течения Волги Святослав предпринял еще поход на вятичей, живших на верховьях Оки, т. е. на пути из Киевской Руси к Волге, и вполне удачно его окончил. В этих походах он является непосредственным продолжателем дела своих предшественников, вел. князей киевских, и, как видно, успешно его продолжает. Но совершенно изменяется характер его деятельности, когда он в 967 г. неожиданно для себя и своей дружины отправился в далекий поход на землю дунайских болгар. В этом году прибыл в Киев посол византийского императора Никифора Фоки, знатный вельможа, патриций Калокир, сын херсонесского правителя. Прибыл он с большими дарами и заманчивым предложением. Одарив богато князя и его приближенных, раздав до 1500 литр золота, Калокир изложил цель своего приезда. Император Никифор Фока приглашает вел. князя идти походом на дунайских болгар; дела Византии были в то время не блестящи: ее владения на востоке и юго-востоке подвергались постоянным нападениям со стороны сарацин; кроме войн с этими последними, империя в 966 г. начала после почти сорокалетнего мира еще одну новую серьезную войну — с болгарам; на них-то император и звал войной Святослава.

Отличаясь большим честолюбием и, как житель Херсонеса, зная довольно близко отважный характер вел. князя, Калокир решил воспользоваться удачно складывающимися для его планов

обстоятельствами. Целью Калокира было завладеть императорским престолом, и достигнуть этого он думал с помощью Святослава. Надо полагать, что без особого труда удалось Калокиру склонить князя к далекому походу в Болгарию: этот поход согласовался и с отважным характером князя; по душе он был и дружине, мечтавшей о большой добыче; на руку, наконец, был поход и русским купцам, торговавшим с задунайскими странами.

Убежденный Калокиром, с десятью тысячами войска Святослав выступил в дальний поход. Пригласив его в Болгарию, а тем более через посредство хитрого и честолюбивого Калокира, император Никифор Фока сделал большую ошибку; в лице Святослава император приобрел нового врага, и притом врага более грозного и сурового, чем тот враг, против которого приглашен был бороться киевский князь. Итак, император Никифор, следуя завету своего мудрого предшественника, императора Константина Багрянородного, что при войне с варварами следует заводить вражду между отдельными варварскими народами и обращать их войною друг на друга, жестоко ошибся и скоро воочию увидел свой промах.

Быстро спустившись в ладьях по Днепру к Черному морю, Святослав «аки пардус» явился в пределах Болгарии. Застигнутый врасплох, болгарский царь Петр на скорую руку собрал тридцать тысяч войска и выслал его на встречу руссам. Нанеся болгарскому войску сильное поражение и заставя его запереться в Доростольской крепости, Святослав быстро и легко овладел городом Малой Преславой и занял всю область, к ней прилежавшую (Малая Преслава расположена была при южном рукаве дунайской дельты). Между тем царь Петр оставался в своей столице, Великой Преславе, и всеми силами готовился к войне с руссами. Он вступил в тесные сношения с своим врагом, императором Никифором Фокой, которому за последнее время (967 г.), во-первых, изменяет военное счастье в борьбе с врагами империи, а во-вторых, грозит население столицы, раздраженное частыми войнами и постоянными поборами. Между болгарским царем и византийским императором заключен был тесный союз, направленный против Святослава.

Можно думать, что ближайшим последствием этого союза было нападение печенегов на Киев, едва не погубившее все княжеское семейство и заставившее Святослава летом 968 г. немедленно возвратиться домой. Плохо пришлось киевлянам, когда нежданные гости летом 968 г. плотною стеною обложили Киев: «Не бе лзе из града вылести, ни



вести послати». Только благодаря мужеству некоторых воинов, собравшихся под начальством Претича на другой стороне Днепра, удалось «умчать» из Киева княгиню с внуками; с помощью хитрости те же воины заставляют отступить несколько от Киева печенегов. Тотчас же киевляне послали звать домой своего князя, говоря: «Ты, княже, чюжие земли ищещи, своей: ся охавив; малым бо нас не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Аще не пойдеш ни отбранити нас, да паки ны возмут, ащели ти не жаль отчины своя, ни матери стары суши и детей своих?»

Освободив Киев от печенегов, Святослав недолго оставался на родине. Его манила далекая Болгария, его влекли к ней и ее удобное географическое положение, и ее богатства, и та непрерывная цепь военных подвигов, среди которых протекало там его житье-бытье. «Не любо ми есть в Киеве быти,— говорил Святослав матери и боярам,— хощу жити в Переяславци на Дунаи. Яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходится: от Грек паволоки, и злато, и вина, и овощи различены, из Чех из Угр сребро и кони, из Руси же скоря, воск, и мед, и челядь».

Княгиня Ольга отвечала сыну: «Видишь, я совсем больна. Куда же ты хочешь уходить от меня? Уж погреби меня, а там иди, куда хочешь». Через три дня после этого она померла. Схоронив мать, Святослав навсегда распрощался с Русской землей: ему не суждено было еще раз возвратиться в Киев. Посадив Ярополка в Киеве, Олега у древлян, а младенца Владимира у новгородцев (по их просьбе), он поспешил с дружиною в любезную Болгарию; но там ждал его иной прием, чем прежде, ибо обстоятельства изменились не в пользу вел. кн. Киевского. Дружественные отношения, установившиеся между Болгарами и Греками перед уходом Святослава в Киев, сохранялись. Византия, освободившись от грозившей опасности со стороны болгар, деятельно воевала с арабами в Азии. Осенью 968 г. умер болгарский царь Петр; ему наследовал его сын Борис, вступивший на престол с помощью Византии и потому, конечно, поддерживавший с ней хорошие отношения. И когда летом 969 г. Святослав, явившись на Дунае, вторгся в пределы Болгарии, его ожидал сильный отпор со стороны нового болгарского царя. Первая упорная битва произошла под Малой Преславой; победа осталась за Святославом, хотя и болгары проявили большую стойкость.

Овладев вторично Преславой и всей областью, к ней прилегавшею, и нанеся еще несколько по-

ражений болгарскому войску, Святослав двинулся в глубь страны; этот поход сопровождался огромным успехом: вся Восточная Болгария от Дуная до Балканских гор вскоре перешла в его руки, он занял и столицу Болгарского царства, Великую Преславу, взяв в плен царя Бориса со всем войском. В то время, когда Святослав шаг за шагом побивал болгарского царя, отнимая у него город за городом и проникая все далее и далее в глубь страны, союзник болгарского царя, император Никифор Фока, не мог подать ему никакой помощи. Все силы империи были сосредоточены в М. Азии на борьбе с аравитянами; сам император принимал личное участие в этой борьбе.

10 декабря 969 г. в Константинополе совершился дворцовый переворот. Император Никифор Фока, только что возвратившийся из М. Азии, был убит своим приближенным Иоанном Цимисхием, который и занял императорский престол. Со вступлением на престол Иоанна Цимисхия наступает поворотный момент в истории борьбы Святослава на болгарской территории. Дело борьбы значительно усложняется, ибо при незначительных силах одновременно приходится воевать и с болгарами, и с греками, и в то же время необходимо было еще оставлять гарнизоны в завоеванных городах. Но, во всяком случае, надо отдать справедливость Святославу, что за этот период войны со всей силой проявились и его удивительное мужество, и его природные воинские дарования.

Государственный переворот в Константинополе совершился очень быстро и не сопровождался, как это обыкновенно бывало раньше, серьезными смутами. Уже в декабре месяце новый император короновался. Успокоив население столицы и удержав завоевательные стремления арабов в Антиохии, император все свое внимание сосредоточил на опасности, грозившей империи со стороны руссов. Сперва он надеялся мирно покончить дело с ними; отправил послов к Святославу и, предлагая выплатить все, что следовало по договору, заключенному между Святославом и императором Никифором Фокой, за усмирение болгар, требовал немедленного удаления с болгарской территории. Но мог ли князь, называвший Болгарию средой земли своей, удалиться из нее, получив лишь плату за свой далекий поход, мог ли Святослав добровольно покинуть ту Болгарию, которая так неудержимо влекла его к себе? Вполне понятен, поэтому, ответ, данный Святославом императору: «Хощу на вы ити, и взяти город ваш, яко и сий» (т. е. Переяславль-Дунайский).

Весной 970 г. Святослав, оставив гарнизоны в более значительных болгарских городах (как то Силистре, Плескове, Динии, Великой и Малой Преславах), перешел Балканские горы, вступил во фракийские владения царя Бориса, взял город Филиппополь и рядом суровых мер смирил непокорных болгар. Затем, усилив свою рать отрядами мадьяр и печенегов, он вступил в пределы империи и беспрепятственно дошел до Адрианополя. Здесь произошла битва между руссами и греками. Хотя по поводу исхода адрианопольской битвы византийские историки и русская летопись дают совершенно разноречивые показания, но и последующие события, и распоряжения императора, немедленно следовавшие за адрианопольской битвой, и приготовления, сопровождавшие поход императора весной следующего, 971 г., заставляют думать, что успех остался на стороне русского князя.

Сопоставляя все события, сопровождавшие адрианопольскую битву, нельзя не признать, что в словах летописи: «Взя же и дары многы и возвратися в Переяславец с похвалою великою», слышится правдивый голос об исходе событий этого года. Впрочем, победоносное движение Святослава весной и летом 970 г. было последним блистательным успехом его на болгарской и византийской территориях: слишком широк был размах Святославовой удали, слишком отважно ринулся он на более сильного врага, не рассчитав сил своей небольшой и уже измученной дружины. Весной 971 г. разыгрался последний акт в борьбе руссов и греков. Тотчас после адрианопольской битвы император Иоанн, по словам византийского повествователя о событиях этого времени, приказал азиатским войскам «поскорее переправиться через Геллеспонт из Азии в Европу, зимовать на полях фракийских и македонских, и, ожидая весеннего времени, ежедневно упражняться в учении, чтобы не сделаться к военным подвигам неспособными и в битвах не уступать в храбрости неприятелю». В то же время ведутся большие приготовления к предстоящему походу: во-первых, стянуты все сухопутные силы; во-вторых, серьезное внимание обращено и на флот. Друнгарий морских сил империи отдал приказание чинить старые корабли и строить новые.

Весной 971 г. одновременно выступают в поход и армия и флот. Решив раз навсегда покончить с опасным врагом, император посылает флот к берегам Истра, чтобы отрезать врагам отступление. Беспечность руссов, не озаботившихся прикрыть балканские клейзуры, т. е. ущелья, обусловила

грекам первый серьезный успех; миновав беспрепятственно страшные клейзуры, они неожиданно для руссов явились под Великой Преславой. Здесь находилась часть Святославовой дружины под начальством Свенельда. Смущенные вначале, руссы скоро оправляются и вступают в горячую битву с греками. Смятые, они отступают в город и до ночи продолжают отбиваться от врагов.

На следующий день возобновился жаркий бой: сам император шел на приступ к городу. Город взят. Руссы запираются во дворце и отважно отбивают все приступы врагов; только огонь, охвативший все здание, заставил их покинуть царский дворец; они бросились на врага, многие сложили свои головы, а часть, пробившись через вражеский строй, ушла к своим. Вообще за весь этот период войны руссы проявляли необычайную стойкость, и, как ни пристрастны повествования об этих событиях византийских писателей, даже и в них сквозит удивление греков перед мужеством «тавроскифов».

Завоевав Великую Преславу, император двигается по направлению к Доростолу, где находился главный его враг. Заняв по дороге города Плискуву, Динейю и другие, которые не оказывали особенного сопротивления, ибо многие болгаре радовались императору, как освободителю от тяжелого гнета (Святослав часто очень сурово обращался с болгарями), император подошел к Доростолу. Здесь увидели греки русскую рать; словно «стена из щитов и копий», стояла она и, не дрогнув под напором сильной, большой и хорошо дисциплинированной рати врагов, завязала с ней упорный бой; «И началась упорная, жесточайшая битва, которая долго, — по словам Льва Диакона, — оставалась в совершенном равновесии». 12 раз сходились враги, и лишь ночь прекратила жаркое дело. Со следующего дня император начал правильную осаду Доростола: устроил стан, укрепил его крепким валом и провел глубокий ров.

Приступ императора к городу окончился неудачей; греки скоро должны были отступить. В тот же день прибывает на Истр греческий флот. И этот и следующие дни продолжают упорно биться с обеих сторон. Руссы днем бились, то делая вылазки, то отбиваясь от приступов врагов, а ночью погребали убитых. 24 июля 971 г. разыгралась последняя битва между врагами, после которой Святослав увидел, что у него нет более сил продолжать борьбу; численность сильно уже истомленной дружины с каждым днем все уменьшалась, ежедневно со стороны греков можно было ожидать, что они «еже как прельстившие» избьют всю дружину, а помощи



ждать было неоткуда; поэтому вел. князь и решил дать последнюю битву врагу — или победить, или «лечь костью». Судьба решила дело несколько иначе. С утра руссы под предводительством самого князя вышли из города и, решив биться насмерть, затворили за собой ворота. Бились и у стен города, бились и у лагеря греков — то греки отступали, то руссы. Варда Склир, один из лучших греческих военачальников, с тылу зашел руссам, а одному из греков, именем Анемасу, едва не удалось поразить мечом Святослава; лишь прочный шлем спас князя. С каждым мигом битва становилась упорнее, и лишь ветер, с большою силою начавший дуть прямо в лицо руссов, заставил их отступить в город. Положение Святослава стало крайне затруднительно: дружина все уменьшалась, ратники выбывали из строя, не заменяясь новыми, настал голод, ибо

земля далече, а Печенези с нами ратни, а кто ны поможет? Но сотворим мир с царем».

Речь князя пришлась по душе дружине. Послали лучших мужей к царю говорить о мире. Царь с радостью принял послов и на мир тотчас же согласился; написали клятвенную запись, в которой вел. князь Святослав, призвав в свидетели Перуна и Волоса и поклявшись своим оружием, обязался иметь мир и любовь со всяким греческим царем; клялся не только войны самому не начинать и греческих владений не трогать, но и бороться с тем, кто помыслит на греков. Со своей стороны греки (по сказанию византийских писателей) дали обязательство не мешать возвращению руссов домой, обещали ссудить их хлебом и обязались (как это было и раньше) считать друзьями руссов, приходящих в Царьград для торговли.



Свидание Святослава с Цимисхием (по описанию Льва Диакона).

С картины академика Ф. Г. Солнцева

все пути к получению съестных припасов были прикрыты врагами, а враг все по-прежнему был силен: и съестных припасов было у него вдоволь, и новые ратники постоянно освежали греческий строй. Святослав сказал дружине своей: «Аще не сотворим мира с царем, а увести царь, яко мало нас есть: пришедши оступят в граде. А Руская

После заключения мира состоялось личное свидание бывших врагов. В великолепном вооружении, на коне, сопровождаемый блестящей свитой, выехал император на берег Истра. С другой стороны реки показалась ладья. В ней переезжал реку вел. князь киевский. Сидя за веслами наряду с прочими товарищами, князь по внешнему виду

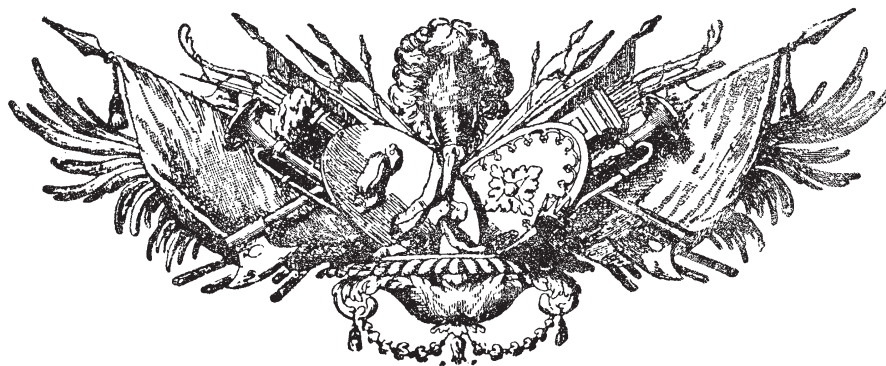
ничем не отличался от них, была лишь на нем чистая рубаха, да в одном ухе висела серьга с двумя жемчужинами и рубином.

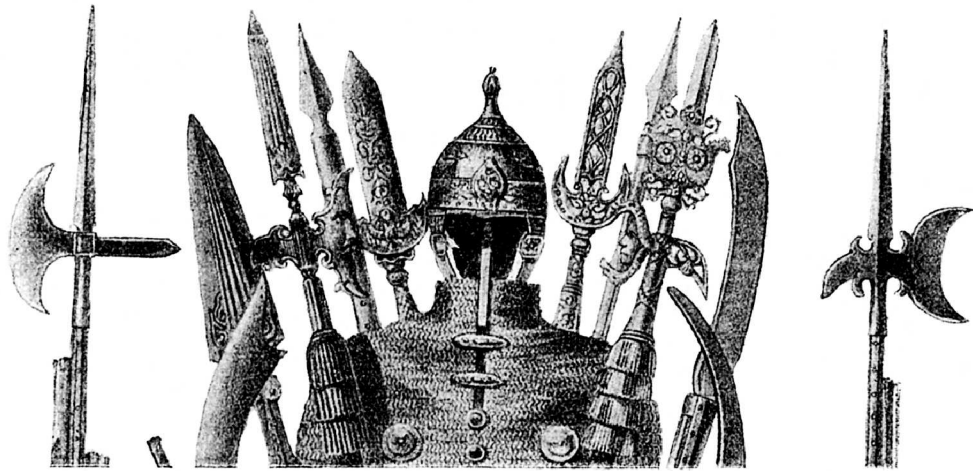
Византийский историк Лев Дьякон описал наружность Святослава: «Святослав был среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом и с густыми длинными, висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким».

Переехав реку, князь, сидя в ладье, немного поговорил с императором о мире и переправился через реку обратно. Заключив мир с греками, Святослав направился в Киев. В летописи есть интересное известие, которое бросает свет на обстоятельства, сопровождавшие смерть Святослава. Чтобы возвратиться в Киев великим водным путем, необходимо было пройти через Днепровские пороги; в них сама природа создала удобное место для хищничества кочевников; из года в год на порогах кочевники

грабили караваны купцов; здесь они постоянно стерегли добычу. К печенегам и послали сказать жители Переяславля, что идет на Русь Святослав; много у него добра, взятого им от греков, но мало с ним дружины. Получив такую весть, печенеги тотчас заняли пороги. Свенельд предупредил Святослава об опасности, говоря: «Иди, князь, на конях, стоят в порогах печенеги». Князь не послушался и пошел на ладьях; пришел к порогам, но не мог пройти их. Тогда, возвратившись назад к днепровскому устью, он зимовал в Белобережье. Зимовка была тяжелая: не было хлеба и иных съестных припасов, приходилось есть одну конину. Пришла весна, и князь снова пошел к порогам, но не мог их опять пройти. Его зорко стерегли кочевники; дружина была совсем измучена от долгого голода и многих трудов.

В битве с печенегами Святослав погиб. «И убиша Святослава, и взяша главу его, и в лбе его соделаша чанию, оковавше лоб его, и пияху из него». Пала с князем и верная его дружина; лишь Свенельду с немногими воинами удалось пробиться через врагов. Свенельд пришел в Киев и принес на Русь весть о гибели отважного князя.





ВЛАДИМИР МОНОМАХ



ежду древними князьями дотатарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волей, выделявшийся здравым умом посреди своей братии князей русских. С его именем связаны почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени.

Славяно-русские народы, с незапамятных времен жившие отдельно, мало-помалу подчинились власти киевских князей, и, таким образом, задачей их совокупной истории стало постепенное и медленное образование государственной цельности. В каких формах и в какой степени могла проявиться эта цельность и достигнуть полного своего осуществления — это зависело уже от последующих условий и обстоятельств.

Сперва политическая власть киевских князей выражалась только тем, что они собирали дань с подчиненных, а потом шагом к более прочному единству и связи между землями было размещение сыновей киевского князя в разных землях, а следствием этого было разветвление княжеского рода на линии, более или менее соответствовавшие расположению и разветвлению земель.

Не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно, должен был возникать ряд недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобицам. Само собой разумеется, что это задерживало ход развития тех начал образованности, которые Русь получила вместе с христианской верой.

Но еще более препятствовало этому развитию соседство с кочевыми народами и непрестанные столкновения с ними. Русь как будто приговором судьбы осуждена была видеть у себя приходивших с востока гостей, сменявших друг друга: в X веке и в первой половине XI в. она терпела от печенегов, а с половины XI века их сменили половцы. При внутренней безлاديце и княжеских усобицах, Русь никак не могла оградить себя и избавиться от такого соседства, тем более, когда князья сами приглашали иноплеменников при своих междоусобицах друг против друга.

При таком положении дел важнейшей задачей тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой — дружное обращение всех сил Русской земли на свою защиту против половцев.

В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя и временным, успехом, как Мономах, и потому имя его долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие, как об образцовом князе.

Владимир родился в 1053 году, за год до смерти деда своего Ярослава. Он был сыном Всеволода, любимейшего из сыновей Ярослава; тогда как прочих сыновей он разместил по землям, назначив им уделы, Всеволода отец постоянно держал возле себя, хотя дал ему в удел близкий от Киева Переяславль и отдаленный Ростов. Старик Ярослав умер на руках у Всеволода.

Мать Владимира, последняя супруга Всеволода, была дочь греческого императора Константина Мономаха; Владимир по деду со стороны матери получил имя Мономаха. Таким образом, у него было три имени: одно княжеское — Владимир, другое крестное — Василий, третье дедовское по матери — Мономах.

Будучи тринадцати лет от роду, он принялся за занятия, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию — войною и охотою. Владимир в этом случае не был исключением, так как в те времена князья вообще очень рано делали то, что, по нашим понятиям, прилично только возмужалым; их даже женили в отроческих летах.

Отец послал Владимира в Ростов, и путь его лежал через землю вятичей, которые еще тогда не хотели спокойно подчиняться княжеской власти Рюрика дома. Владимир недолго был в Ростове и скоро появился в Смоленске.

На Руси тем временем начинались одна за другой две беды, терзавшие страну целые века. Сначала возникли княжеские междоусобицы.

Начало им было положено тем, что сын умершего Ярослава сына Владимира, Ростислав, бежал в Тмутаракань, город, находившийся на Таманском полуострове и принадлежавший тогда черниговскому князю, поместившему там своего сына Глеба. Ростислав выгнал этого Глеба, но и сам не удержался после него. Это событие, само по

себе одно из множества подобных в последующие времена, кажется замечательным именно потому, что оно было тогда первым в этом роде.

Затем началась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. В 1067 году полоцкий князь Всеслав напал на Новгород и ограбил его; за это Ярославичи пошли на него войной, разбили и взяли в плен.

В следующем, 1068-м, году настала беда другого рода. Нахлынули с востока половцы, кочевой народ тюркского племени; они стали нападать на русские земли. Первое столкновение с ними было неудачно для русских.

Киевский князь Изяслав был разбит и вслед за тем прогнан самими киевлянами, с которыми он и прежде не ладил. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков, а его сын варварски казнил и мучил киевлян, изгнавших его отца; потому-то киевляне при первой же возможности опять избавились от своего князя.

Изяслав снова бежал, а вместо него сел на киевский стол его брат Святослав, княживший прежде в Чернигове; тогда Черниговской землей стал управлять Всеволод, а сына его, Владимира Мономаха, посадили на княжение в Смоленске.

Во все продолжение княжения Святослава Владимир служил ему как старейшему князю, так как отец Владимира, Всеволод, находился в согласии со Святославом. Таким образом, Владимир по поручению Святослава ходил на помощь полякам против чехов, а также в интересах всего Ярославова племени воевал против полоцких князей.

В 1073 году Святослав умер, и на киевский стол опять сел Изяслав, на этот раз, как кажется, поладивший с киевлянами и со своим братом Всеволодом. Этот князь вывел прочь из Владимира-Волынского сына Святославова Олега, с тем чтобы там посадить своего собственного сына.

Олег, оставшись без удела, прибыл в Чернигов к Всеволоду: Владимир находился тогда в дружеских отношениях с этим князем и, приехав из Смоленска в Чернигов, угощал его вместе с отцом своим. Но Олегу досадно было, что земля, где княжил его отец и где протекло его детство, находится не у него во власти. В 1073 году Олег убежал из Чернигова в Тмутаракань, где после Ростислава жил уже подобный ему князь, беглец Борис, сын умершего Вячеслава Ярославича.

Не должно думать, чтобы такого рода князья действительно имели какие-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло в обычай, чтобы все лица княжеского



рода непременно имели удел, как равным образом не утвердилось правило, чтобы во всякой земле были князьями лица, принадлежавшие к одной княжеской ветви в силу своего происхождения.

В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он имел заранее в виду распространить право посаженных сыновей на их потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, как это видно в Смоленске и на Волыни.

Только ветвь полоцкая держалась упорно и последовательно в своей кривской земле, хотя Ярославичи хотели ее оттуда вытеснить. При совершенной неопределенности отношений, при отсутствии общепринятых и освященных временем прав князей на княжение, понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своих ближних, в первую очередь сыновей, если у него они были, и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок. От таких поступков не могла останавливать князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права еще не существовало.

Со своей стороны, очень естественно было князю искать княжения так же, как княжили его родители и родные, и преимущественно там, где был князем его отец, где, быть может, он сам родился и где с детства привыкал к мысли заступить место отца. Такой князь легче всего мог найти себе помощь у воинственных иноплеменников.

И вот бежавшие в Тмутаракань Олег и Борис обратились к половцам. Не они первые вмешали этих врагов Руси в ее внутренние междоусобицы. Сколько нам известно, первым, кто показал им дорогу к такому вмешательству, был Владимир Мономах, так как, по собственному его известию, помещенному в его Поучении, он еще прежде них, при жизни своего дяди Святослава Ярославича, водил половцев на полоцкую землю.

Олег и Борис с половцами бросились на Северскую землю. Всеволод вышел против них из Чернигова и был разбит. Олег легко овладел Черниговом; черниговцы приняли его сами, так как знали его издавна: вероятно, он и родился в Чернигове.

Когда Всеволод вместе с киевским князем Изяславом хотел отнять Чернигов у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу. После того как Всеволод и Изяслав успели овладеть стенами окольного города и сожгли строения, находившиеся в черте, им образуемой, жители не сдались, ушли во внутренний город, так называемый «большой», и

защищались там до последних сил. Олега с ними в городе не было: упорство, с которым тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствием или стараниями и, вероятно, происходило от искренней привязанности к нему черниговцев.

Владимир был тогда с отцом. Услышавши, что Олег с Борисом идет против них на выручку Чернигова и ведет с собой половцев, князья оставили осаду и пошли навстречу врагам. Битва произошла на Нежатиной ниве близ села этого имени. Борис был убит, Олег бежал. Но их победители дорого заплатили за свою победу. Киевский князь Изяслав был убит в этой сече.

Смерть Изяслава доставила Киев Всеволоду Чернигов, потеряв надежду на Олега, сдался, и в этом городе посадили Владимира Мономаха. Олег и брат его Роман Святославич в 1079 году попытались выгнать Владимира из Чернигова, но безуспешно. Владимир предупредил их, вышел с войском к Переяславлю и без битвы избавился от соперников. Он заключил мир с половцами, помогавшими Святославичам. Половцы и находившиеся с ними хазары предательски поступили со своими союзниками: Олега отправили в Царьград, а Романа убили. Уменье рассорить своих противников показывает большую сметливость Владимира.

На севере у Владимира были постоянные враги — полоцкие князья. Князь Всеслав напал на Смоленск, который оставался во власти Владимира и после того, как отец посадил его в Чернигове. В отмщение за это Владимир нанял половцев и водил их опустошать землю полоцкую. Тогда досталось Минску; там, по собственному свидетельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины.

С другой стороны Владимир воевал с вятичами: этот славянский народ все еще упорно не поддавался власти Рюрикова дома, и Владимир два раза ходил войной на Ходоту и сына его — предводителей этого народа.

По приказанию отца, Владимир занимался делами и на Волыни. Сыновья Ростислава овладели было этой страной, но Владимир выгнал их и посадил Ярополка, Изяслава сына, а когда этот князь не поладил с киевским, то Владимир, по велению отца, прогнал его и посадил на Волыни князя Давида Игоревича. В следующем за тем году (1086) он опять посадил Ярополка. Тогда власть киевского князя в этом крае была еще сильна, и князья ставились и сменялись по его верховной воле.

В 1093 году умер Всеволод. Владимир не захотел воспользоваться своим положением и овладеть киевским столом, так как предвидел, что от этого вспыхнет междоусобица. Он сам послал звать на киевское княжение сына Изяслава Святополка (княжившего в Турове), который был старше Владимира летами и за которого, по-видимому, была значительная партия в Киевской земле.

человек; другие советовали быть осторожнее; наконец, порешили на том, чтобы просить Владимира помогать в обороне Киевской земли от половцев. Владимир отправился со своею дружиною, пригласил также своего брата Ростислава, бывшего на княжении в Переяславле.

Ополчение трех князей сошлось на берегу реки Стугны, и там собрался совет. Владимир был того



Древнее знамя с изображением Владимира Мономаха.

Из «Древностей Российского государства» академика Ф. Г. Солнцева

Во все продолжение княжения Святополка Владимир оставался его верным союзником, действовал с ним заодно и не показал ни малейшего покушения лишить его власти, хотя киевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира. Он сделался, так сказать, душой всей Русской земли; около него вращались все ее политические события.

Едва только уселся Святополк в Киеве, как половцы прислали к нему послов с предложением заключить мир. Святополк привел с собой из Турова дружину, людей ему близких. С ними он во всем совещался, и они посоветовали ему засадить половецких послов в погреб. Когда после того половцы начали воевать и осадили один из пригородов киевской земли — Торцкий, Святополк выпустил задержанных послов и сам предлагал мир, но половцы уже не хотели мира.

Тогда Святополк начал совещаться с киевлянами; советники его разделились во мнениях: одни, более отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготове с оружием только восемьсот

мнения, что лучше, как бы ни было, устроить мир, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывали боярин по имени Ян и еще кое-кто из дружины, но киевляне горячились и хотели непременно биться. Им уступили.

Ополчение перешло реку Стугну, разделившись на три отряда, сообразно трем предводительствовавшим князьям, прошло Триполье и стало между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здесь половцы напали на русских, гордо развернув свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потом ударили на Владимира и Ростислава. У русских князей силы было мало в сравнении с неприятелем; они не выдержали и бежали.

Ростислав утонул при переправе через Стугну; Владимир сам чуть не пошел ко дну, бросившись спасать утонувшего брата. Тело утонувшего привезли в Киев и погребли у Св. Софии.

Смерть Ростислава была приписана к Божию наказанию за жестокий поступок с печерским



иноком старцем Григорием. Встретив этого старца, о котором тогда говорили, что он имеет дар предвидения, Ростислав спросил его: от чего приключится ему смерть. Старец Григорий отвечал: от воды. Ростиславу это не полюбилось, и он приказал бросить Григория в Днепр; и за это злодеяние, как говорили, Ростислава постигла смерть от воды.

Дело этим не окончилось. Половцы дошли до Киева и между Киевом и Вышгородом на урочище Желани в другой раз жестоко разбили русских того же года 23 июля.

После этой победы половцы рассеялись по русским селам и пленили много людей. Современник в резких чертах описал состояние бедных русских, которых толпами гнали враги в свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами шли они в неволю и говорили друг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо к Всевышнему, ведущему все тайное».

В следующем, 1094-м, году Святополк думал приостановить бедствия русского народа, заключил с половцами мир и женился на дочери половецкого хана Тугоркана. Но и этот год был не менее тяжел для Русской земли: саранча истребила хлеб и траву на полях, а родство киевского князя с половецким не спасло Руси и от половцев. Когда одни половцы мирились и рождались с русскими, другие вели на Владимира его неумолимого соперника Олега.

Олег, сосланный византийцами на Родос, недолго там оставался. В 1093 году он уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда двух князей, таких же безместных, как и он (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича), и сидел некоторое время спокойно в этом городе, но в 1094 году, пригласивши половцев, пустился добывать ту землю, где княжил его отец. Владимир не дрался с ним, уступил ему добровольно Чернигов, вероятно и потому, что в Чернигове, как и прежде, были сторонники Олега. Сам Владимир уехал в Переяславль.

Тогда же прибыл от Святополка киевлянин Славята и стал советовать убить Итларя, приехавшего к русским. Владимир сначала не решался на такое вероломство, но к Славяте пристали дружинники Владимира и говорили: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву, потому что сами они дают клятву, а потом губят русскую землю и проливают христианскую кровь».

Славята с русскими молодцами взялся проникнуть в половецкий стан за городом и вывести

оттуда Мономахова сына Святослава, посланного к половцам заложником. С ним вместе взялись за это дело торки (народ того же племени, к которому принадлежали и половцы, но, будучи поселены на Киевской земле, они верно служили Руси). В ночь 24 февраля они не только счастливо освободили Святослава, но утертвили Китана и перебили его людей.

Итларь находился тогда во дворе у боярина Ратибора. Поутру 24 февраля Итларя с его дружиною пригласили завтракать к Владимиру; но только что половцы вошли в избу, куда их позвали, как за ними затворили двери, и сын Ратиборов Ольбег перестрелял их сверху через отверстие, сделанное в потолке избы.

После такого вероломного поступка, который русские оправдывали тем, что их враги были так же вероломны, Владимир начал созывать князей против половцев, и в том числе Олега, от которого потребовал выдачи сына убитого Итларя. Олег не выдал его и не шел к князьям.

Киевский князь Святополк и Владимир звали Олега в Киев на совет об обороне Русской земли.

«Иди в Киев, — говорили ему князья, — здесь мы положим поряд о Русской земле пред епископами, игуменами, перед мужами отцов наших и перед городскими людьми, как нам оборонять Русскую землю». Но Олег высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (т. е. мужичью).

Тогда князья, пригласившие Олега, послали ему от себя такое слово:

«Если ты не идешь на неверных и не приходишь на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Это было объявление войны. Итак, вместо того чтобы идти соединенными силами на половцев, Владимиру приходилось идти войною на своих.

Владимир со Святополком выгнали Олега из Чернигова, осадили его в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока Олег не попросил мира. Ему даровали мир, но с условием, чтоб он непременно прибыл в Киев на совет. «Киев, — говорили князья, — старейший город на Русской земле; там надлежит нам сойтись и положить поряд». Обе стороны целовали крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы делали на Русь набеги. Хан половецкий Боняк со своею ордою жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан, несмотря на родство с киевским князем, осадил Переяславль. Владимир со Святополком

разбили его 19 мая; сам Тугоркан пал в битве, и его зять Святополк привез тело тестя в Киев. Его похоронили между двумя дорогами: одною, ведущею в Берестово, и другою — в Печерский монастырь.

В июле Боняк повторил свое нападение и 20 числа утром ворвался в Печерский монастырь. Монахи, отстояв заутреню, почивали в кельях; половцы выломали ворота, ходили по кельям, брали что попадалось под руки, сожгли церковные южные и северные двери, вошли в церковь, таскали из нее иконы и произносили оскорбительные слова над христианским Богом и законом. Тогда половцы сожгли загородный княжеский двор, называемый Красным, построенный Всеволодом на Выдубицком холме, где впоследствии выстроен был Выдубицкий монастырь.

Олег не думал исполнять договора и являться в Киев на княжеский съезд. Вместо того он явился в Смоленск (где тогда неизвестно каким путем сел брат его Давид), набрал там войска и, вышедши оттуда, пошел вниз по Оке, ударил на Муром, который достался в управление сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княжение в соседней Ростовской земле. Отец Олега Святослав, сидя в Чернигове, был в то же время на княжении и в Муроме, и потому Олег считал Муром своею отчиною. 6 сентября 1096 года Изяслав был убит в сече.

Олег взял Муром и оковал всех найденных там ростовцев, белозерцев и суздальцев: видно, что князь Изяслав управлял муромцами при помощи людей своей земли. В Муроме и его волости в то время еще господствовало язычество; край был населен народом финского племени, муромою, и держался за князьями только посредством дружины, составлявшей здесь, вероятно, еще единственное славянское население в те времена. В Ростове, Суздале и Белозерске, напротив, славяно-русская стихия уже прежде пустила свои корни, и эти края имели свое местное русское население.

Олег, отвоевавши Муром, взял Суздаль и поступил сурово с его жителями: одних взял в плен, других разослал по своим городам и отнял их имущество. Ростов сдался Олегу сам. Возгордившись успехами, Олег затевал подчинить своей власти и Новгород, где на княжении был другой сын Мономаха, Мстислав, молодой князь, очень любимый новгородцами.

Новгородцы предупредили покушение Олега и, прежде чем он мог встать с войском на Новгородской земле, сами отправились на него на Ростовско-Суздальскую землю. Олег убежал из Суздаля, приказав в досаде сжечь за собою город, и

остановился в Муроме. Мстислав удовлетворился тем, что выгнал Олега из ростовско-суздальской земли, которая никогда не была уделом ни Олега, ни его отца; предложил Олегу мир и предоставлял ему снестись со своим отцом. Мстислава располагало к уступчивости то, что Олег был его крестным отцом.

Олег притворно согласился, а сам думал внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали об его намерении заблаговременно и вместе с ростовцами и белозерцами приготовились к бою. Враги встретились друг с другом на реке Колакше в 1096 году. Олег увидел у противников распущенное знамя Владимира Мономаха, подумал, что он сам пришел с большою силою на помощь сыну, и убежал.

Мстислав с новгородцами и ростовцами пошел по его следам, взял Муром и Рязань, мирно обошелся с муромцами и рязанцами, освободил людей ростовско-суздальской области, которых Олег держал в городах Муроме и Рязани пленниками. После того Мстислав послал к своему сопернику такое слово: «Не бегай более, пошли с мольбой к своей братьи; они тебя не лишат Русской земли». Олег обещал сделать так, как предлагал ему победитель.

Мономах дружелюбно обошелся со своим соперником, и памятником тогдашних отношений его к Олегу осталось письмо его, очень любопытное не только потому, что оно во многом объясняет личность князя Владимира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляет один из немногих образчиков тогдашнего способа выражения:

«Меня, — пишет Мономах, — принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил и который теперь недалеко от тебя. Он прислал ко мне мужа своего и грамоту и говорит так: сладимся и примиримся, а братцу моему суд пришел; не будем ему мстителями; возложим все на Бога; пусть они станут пред Богом, мы же Русской земли не погубим. Я послушался и написал; примешь ли ты мое писание с добром или с поруганием, — покажет ответ твой.

Отчего, когда убили мое и твое дитя перед тобою, увидавши кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распустившемуся цветку, отчего, стоя над ним, не вник ты в помыслы души своей и не сказал: зачем это я сделал? Зачем ради кривды этого мечтательного света причинил себе грех, а отцу и матери слезы? Тебе было бы тогда покаяться Богу, а ко мне написать утешительное письмо и прислать сноху мою ко мне... она тебе не сделала



ни добра, ни зла; я бы с нею оплакал мужа ее и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде их радости, ни их венчания; отпусти ее как можно скорее, я поплачу с нею заодно и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом дереве, а сам утешусь о Боге.

Так было и при отцах наших. Суд пришел ему от Бога, а не от тебя! Если бы ты, взявши Муром, не трогал Ростова, а прислал бы ко мне, мы бы уладились; рассуди сам, тебе ли следовало послать ко мне или мне к тебе? Если пришлешь ко мне посла или попа и грамоту свою напишешь с правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится к тебе, и будем жить лучше, чем прежде; я тебе не враг, не мститель».

Тогда, наконец, состоялось то, что долго замышлялось и никак не могло прийти к исполнению. В городе Любече съехались князья Святославичи — Олег, Давид и Ярослав, киевский Святополк, Владимир Мономах, волынский князь Давид Игоревич и червенские князья Ростиславичи: Володарь и Василько. С ними были их дружинники и люди их земель. Цель их совещания была — устроить и принять меры к охране русских земель от половцев. Всем делом заправлял Мономах.

«Зачем губим мы Русскую землю, — говорили тогда князья, — зачем враждуем между собою? Половцы разоряют землю; они радуются тому, что мы друг с другом воюем. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце; соблюдаем свою отчину».

На этом съезде князья решили, чтобы все они владели своими волостями: Святополк Киевом, Владимир — уделом отца своего Всеволода: Переяславлем, Суздалем и Ростовом; Олег, Давид и Ярослав — уделом Святослава, отца их: северскою землею и рязанскою; Давид Игоревич — Волынью, а Василько и Володарь — городами: Теребовлем и Перемышлем с их землями, составлявшими тот край, который впоследствии назовется Галичиною.

Все целовали крест (т. е. давали клятву) на том, что если кто-нибудь из князей нападет на другого, то все должны будут ополчиться на зачинщика междоусобицы. «Да будет на того крест честный и вся земля Русская». Такой приговор произнесли они в то время.

До сих пор Владимир находился в самых приятельских отношениях к Святополку Киевскому. Последний был человек ограниченного ума и слабого характера и подчинялся Владимиру, как вообще люди его свойств подчиняются лицам, более их сильным волей и более их умным. Но известно, что такие люди склонны подозревать тех, которым

они невольно повинуются. Они им покорны, но в душе ненавидят их.

Давид Игоревич был заклятый враг теребовльского князя Василька и хотел присвоить себе его землю. Возвращаясь на Волынь из Любеча через Киев, он уверил Святополка, что у Василька с Владимиром составился злой умысел лишить Святополка киевской земли. Сам Василько был человек предприимчивого характера; он уже водил половцев на Польшу; затем, как он сам потом признавался, думал идти на половцев, но, если верить ему, не думал делать ничего дурного русским князьям.

Натравленный Давидом Святополк звал к себе Василька на именины в то время, когда последний, возвращаясь из Любеча домой, проезжал мимо Киева и, не заезжая в город, остановился в Выдубицком монастыре, отославши свой обоз вперед. Один из слуг Василька, или подозревая коварство, или, быть может, даже предостерегаемый кем-то, не советовал своему князю ехать в Киев: «Тебя хотят схватить», — говорил он. Но Василько понадеялся на крестное целование (клятва, присяга, сопровождаемая целованием креста), немного подумал, перекрестился и поехал.

Было утро 5 ноября. Василько вошел в дом к Святополку и застал у него Давида. После первых приветствий они сели. Давид молчал. «Оставайся у меня на праздник», — сказал Святополк. «Не могу, брат, — отвечал Василько, — я уже отослал свой обоз вперед». — «Ну так позавтракай с нами», — сказал Святополк. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите здесь, а я пойду велю кое-что приготовить».

Василько остался с Давидом и стал было вести разговор с ним, но Давид молчал и как будто ничего не слышал. Наконец Давид спросил слуг: «Где брат?» — «Стоит на сених», — отвечали ему. «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди», — сказал он Васильку и вышел. Тотчас слуги наложили на Василька оковы и приставили к нему стражу. Так прошла ночь.

На другой день Святополк созвал вече из бояр и людей киевской земли и сказал: «Давид говорит, что Василько убил моего брата Ярополка и теперь совещается с Владимиром; хотят убить меня и отнять мои города». Бояре и люди киевские сказали: «Ты, князь, должен охранять свою голову. Если Давид говорит правду, пусть Василько будет казнен, а если неправду, то пусть Давид примет месть от Бога и отвечает перед Богом».

Ответ был двусмысленный и увертливый. Игумены были смелее и стали просить за Василька.

Святополк ссылался на Давида. Сам Святополк готов был отпустить Василька на свободу, но Давид советовал ослепить его и говорил: «Если ты его отпустишь, то не будет княжения ни у меня, ни у тебя». Святополк колебался, но потом совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодеяние.

В следующую ночь Василька повезли в оковах в Белгород, ввели в небольшую избу. Василько увидел, что ехавший с ним торчин стал точить нож, догадался, в чем дело, начал кричать и звать к Богу с плачем. Вошли двое конюхов: один Святополков, по имени Сновид Изчевич, другой Давидов — Дмитрий; они постлали ковер и взяли за Василька, чтобы положить его на ковер. Василько стал с ними бороться; он был силен; двое не могли с ним справиться; подоспели на помощь другие, связали его, повалили и, сняв с печи доску, положили на грудь; конюхи сели на эту доску, но Василько сбросил их с себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли с печи другую доску, навалили ее на князя, сами сели на доску и придавили так, что у Василька затрещали кости на груди.

Вслед за тем торчин Беренда, овчар Святополка, приступил к операции: намереваясь ударить ножом в глаз, он сначала промахнулся и порезал Васильку лицо, но потом уже удачно вынул у него оба глаза один за другим. Василько лишился чувств. Его взяли вместе с ковром, на котором он лежал, положили на воз и повезли дальше по дороге во Владимир, куда прибыли на шестой день.

Давид поместил Василька на дворе какого-то владимирского жителя Вакея и приставил к нему 30 сторожей под начальством двух своих княжеских отроков, Улана и Колчка.

Услышал об этом прежде других князей Владимир Мономах и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших», — говорил он.

Немедленно позвал к себе черниговских князей Олега и Давида на совещание в Городец. «Надобно поправить зло, — говорил он, — а иначе еще большее зло будет, начнет брат брата умерщвлять, и погибнет земля Русская, и половцы возьмут землю Русскую». Давид и Олег Святославичи также пришли в ужас и говорили: «Подобного не бывало еще в роде нашем».

Действительно не бывало: в княжеском роде прежде случались варварские братоубийства, но ослеплений еще не бывало. Этот род злодеяния принесла в варварскую Русь греческая образованность.

Все три князя отправили к Святополку своих мужей с таким словом: «Зачем наделал ты зла в Русской земле, зачем вверг нож в братью? Зачем ослепил брата? Если бы он был виноват перед тобою, ты бы должен был обличить его перед нами и доказать вину его: он был бы наказан, а теперь скажи: в чем его вина?»

Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и меня хочет убить, чтобы захватить волость мою: Туров, Пинск, Берестье и Погорынье, говорил, что у него положена клятва с Владимиром: чтобы Владимиру сесть в Киеве, а Васильку в городе Владимире. Я поневоле оберегал свою голову. Не я его ослепил, а Давид; он его и увез к себе».

«Этим не отговаривайся, — отвечали князья, — Давид его ослепил, но не в Давидовом городе, а в твоём».

Владимир с князьями и дружинами хотел переходить через Днепр против Святополка. Святополк в страхе собирался бежать, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру его мачеху и митрополита Николая с таким словом: «Молим тебя, князь Владимир, и вместе с тобою братию твою князей, не губите Русской земли: если вы начнете воевать между собою, поганые возрадутся и возьмут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом и храбростью. Они боролись за Русскую землю и чужие земли приобретали, а вы хотите погубить Русскую землю».

Владимир очень уважал свою мачеху и склонился на ее мольбы. «Правда, — сказал он, — отцы и деды наши соблюдали Русскую землю, а мы хотим ее погубить». Княгиня, возвратившись в Киев, принесла радостную весть киевлянам, что Владимир склоняется на мир.

Князья стояли на левой стороне Днепра, в бору, и пересылались со Святополком. Наконец последнее их слово было таково: «Если это преступление Давидово, то пусть Святополк идет на Давида, пусть либо возьмет его, либо сгонит с княжения». Святополк целовал крест поступать по требованию Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давид, узнав об этом, стал пытаться поладить с Васильком и заставить его самого отклонить от него опасность, которой он подвергался за Василька. Призвал ночью Давид какого-то Василия, которого рассказ включен в летопись целиком. Давид сказал ему: «Василько в эту ночь говорил Улану и Колчке, что ему хочется послать от себя мужа своего к князю Владимиру. Посылаю тебя, Василий, идти к одноименнику